

публиканцев, была так утомительна, что патрули патриотов падали от истощения во время своих обходов.

Тогда крик: «Всех в реку!», - раздававшийся уже в 1792 г., стал слышаться все грознее и грознее. Род помешательства, подобного тому, говорит Мишле, которое замечалось в городах во время чумы, овладело бедной частью населения, а комиссар Конвента Каррье, темперамент которого как раз подходил к такого рода припадкам ярости, предоставил страстям разыграться без удержу. Сперва начали топить в Луаре священников и кончили тем, что истребили более 2 тыс. человек, мужчин и женщин, сидевших в нантских тюрьмах.

Что же касается до Вандеи вообще, то Комитет общественного спасения, не давая себе даже труда вдуматься в причины восстания в целой области и довольствуясь нелепым объяснением, что все происходит от «фанатизма этих озверелых мужиков», не стараясь даже понять крестьян и приохотить их в республике, возымел дикую идею - истребить всех вандейцев и обезлюдить Вандею. 16 укрепленных лагерей было устроено с этой целью, и 12 «адских колонн» было пущено в Вандею, чтобы разорить всю страну, жечь крестьянские избы и истреблять крестьян.

Легко понять, к чему привела эта бойня. Вандея обратилась в гнойную рану республики. Громадная область была навсегда потеряна для республики, и Вандея стала причиной кровавых раздоров среди самих монтаньяров.

Восстания в Провансе и в Лионе имели такое же печальное влияние на ход революции. Лион был городом, где производились предметы роскоши - шелк, бархат. Множество артистов-рабочих было тогда занято тканьем у себя на дому самых тонких шелков и вышиванием золотом и серебром. И все это производство приостановилось во время революции. Самое же население разделилось на два враждебных лагеря. Рабочие-хозяева, владельцы маленьких мастерских и буржуазия, высшая и средняя, были против революции. Собственно рабочие, те которые работали на владельцев маленьких мастерских или находили себе заработок в различных отраслях, связанных с мелкоткачеством, стояли за революцию. Они уже тогда вырабатывали основы социализма, который развился в XIX в., и охотно следовали за Шалье - коммунистом-мистиком, приятелем Марата. Шалье, сродный по своему направлению с направлением, преобладавшим в Парижской коммуне, имел большое влияние в Лионском городском управлении. Кроме того, активную коммунистическую пропаганду вел еще Ланж, предшественник Фурье. Буржуазия же со своей стороны охотно стояла заодно с дворянами и особенно с духовенством, которое имело тогда большое влияние на население, причем на помощь ему явились еще эмигранты-священники из Савойи. Большая часть лионских секций была искусно наводнена жирондистской буржуазией, за которой скрывались роялисты.

Столкновение произошло, как мы видели, 29 мая 1793 г. На улицах дрались, и буржуазия одержала верх. Шалье был заарестован, и так как Робеспьер и даже Марат плохо защищали его в Париже, то жирондисты казнили его 16 июля. Вообще месть якобинцам со стороны буржуазии и роялистов была ужасна. Лионская буржуазия, выступавшая до тех пор под знаменем жиронд-Листов, поощренная теперь вандейским восстанием, открыто вступила в союз с роялистами-эмигрантами. Она вооружила 20 тыс. человек и привела город в состояние обороны против Конвента.

Марсель тоже собирался идти на помощь Лиону. Сторонники жирондистов поднялись здесь тотчас же после 31 мая. Поощряемые жирондистским депутатом Ребекки, который поспешил сюда из Парижа, секции, попавшие большей частью в руки жирондистов, снарядили армию в 10 тыс. человек, которая направилась в Лион с намерением идти дальше на Париж против монтаньяров. Это восстание скоро приняло, как и следовало ожидать, открыто роялистский характер, и к нему, присоединились другие города южной Франции - Тулон, Ним, Монтбан.

Армия марсельцев скоро была, впрочем, разбита войсками Конвента, которые под начальством Карто вступили в Марсель 25 августа 1793 г. Ребекки утонул, но часть восставших бежала в Тулон, и этот большой военный порт был сдан вслед затем англичанам. Английский адмирал вступил в обладание городом и его укреплениями, провозгласил королем Франции Людовика XVII и призвал себе на помощь армию из 8 тыс. испанцев, чтобы держать Гулон и его форты.

В то же время во Францию вступили 20 тыс. пьемонтцев, которые пошли по долинам Салланши, Тарентезы и Морьенны на помощь роялистам в Лионе. Попытки комиссара Конвента Дюбуа-Крансе вступить в переговоры с лионцами, не удались; движение уже попало в руки роялистов, и они ничего не хотели слышать о мирных переговорах. Комендант Лиона Преси, сражавшийся 10 августа в рядах швейцарцев в Тюильри, был преданный Людовику XVI человек, и в городе было много роялистов-эмигрантов, прибывших в Лион, чтобы сражаться против республики. Главари роялистской партии